

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: НИКОЛАЙ РУБЦОВ НА ТОТЕМСКОЙ ЗЕМЛЕ /
[авторы основного текста и составители: Г.А. Мартюкова, А.М. Новосёлов];
ВРО ОДОО МАН «Интеллект будущего», Тотемское музейное объединение.
Вологда: Древности Севера, 2021. 503 с.**

Рецензия посвящена региональному изданию, которым вправе гордиться тотмичи, вологжане, россияне. Маргарита Шананина со школьниками бережно собирали воспоминания всех, знавших Николая Рубцова, и накопленное на протяжении десятилетий не кануло в Лету, как это часто бывает, а обрело достойное завершение трудами Галины Мартюковой и Алексея Новоселова, авторов основного текста и составителей книги.

Николай Рубцов, Тотьма, воспоминания, контекст.

Систематически и целенаправленно изучать биографию и творчество Рубцова на Тотемской земле начала Маргарита Афанасьевна Шананина (р. 1938), учительница русского языка и литературы Тотемской средней школы № 1. Она училась в Тотемском педагогическом училище (с никольскими детдомовцами из числа воспитывавшихся с Рубцовым, но на два курса младше), затем в Вологодском педагогическом институте на историко-филологическом факультете. В 1968 г. начала работать в школе и для факультатива выбрала литературное краеведение. На слуху были Белов, Яшин, Романов, Фокина, Орлов, Викулов. Несколько раз пересекалась с Рубцовым – в Тотьме и в Вологде, слышала его чтение, но ни он, ни стихи ей не запомнились. Целенаправленно исследованием жизненного и творческого пути поэта Шананина стала заниматься через пару лет после его смерти. Обратилась в Вологодскую писательскую организацию – и Виктор Коротаев посоветовал начать с изучения детдомовского периода жизни. В работу включились старшеклассники. Переписка тогда тянулась годами и десятилетиями. Получали до пяти-шести писем в день. Приезжали любившие Рубцова. Постепенно школьный кабинет разросся до масштабов настоящего «литературно-краеведческого комплекса» (с. 408).

Любопытно свидетельство Николая Коняева – будущего автора книги о Рубцове в серии «ЖЗЛ». Вчерне завершив книгу, он решил съездить на родину героя: «...ехал я, во-первых, для того, чтобы не отвлекаться на другую работу, а во-вторых, так сказать, для протокола, чтобы рассказывать потом, дескать, как же, как же... бывал и я там...» (с. 417). В музее школы обнаружил столько новых материалов, «что под этой тяжестью рухнул весь продуманный в Питере “протокол”» (Там же). Стало понятно, что работу, которую он считал сделанной, предстояло начать заново.

В 1993 г. М.А. Шананина вышла на пенсию (после этого системность работы школьного музея нарушилась, но сотрудники Тотемского музейного объединения успели сделать копии с собранных материалов). Шананина, человек скромный, не любящий ин-

тервью, по-прежнему принимает гостей и никогда не акцентирует, что многие исследователи публиковали полученные материалы без ссылок на их архив.

А.М. Новосёлов

Рецензируемое литературно-художественное издание, отдавая ей должное, представило страницы пребывания Николая Рубцова на Тотемской земле. В центре – воспоминания: воспитателей, пионервожатых, учителей, детдомовцев и учеников школы, преподавателей техникума, друзей, гражданской жены, дочери. Авторами основного текста и составителями этого большеформатного (22x29 см) объемного (63 усл. печ. л.) издания являются Галина Алексеевна Мартюкова, заведующая мемориальным музеем Рубцова, и Алексей Михайлович Новоселов, директор Тотемского музейного объединения. Их профессионализм – в гармонии с творчеством Рубцова. Функционален прекрасный изобразительный ряд: в книге – сотни документальных и художественных фотографий, копий документов, снимков музейных реликвий,

засушенные осенние листья и цветы, которые непро- извольно трогаешь, не живые ли. Верю, каждый от- кроет в книге свое. Я с удовольствием следила за об- стоятельствами создания стихотворений. Валентина Тугаринова записала рассказ мамы (жили они непода- леку от Геты и Николая). У них в огороде косили тра- ву. «Рубцов подошел, увидел скошенные, растущие в междутравье анютины глазки, взял их в ладони и спросил у мамы: “Как называются эти цветы?” Потом долго стоял, задумавшись, а мама подумала тогда: “И что это с ним, эка невидаль...”» (с. 287).

*По утрам умываясь росой,
Как цвели они! Как красовались!
Но упали они под косой,
И спросил я: – А как назывались? –*

*И мерещилось многие дни
Что-то тайное в этой развязке:
Слишком грустно и нежно они
Назывались – «анютины глазки».*

Подчас строки и контексты воспоминаний раз- ных людей расходятся. Генриетта Меньшикова, граж- данская жена Рубцова, отмечала, что он очень боялся грозы. Галина Мартюкова зафиксировала ее рассказ, как однажды гроза началась, когда Рубцов ушел в лес. Оставив там корзинку, он бежал от грозы домой.

*Поток вскипел
И будто сразу прибыл!
По небесам, сверкая там и тут,
Гремело так, что каменные глыбы,
Вот-вот, казалось, с неба упадут!*

Сергею Багрову запомнилась другая гроза – в летний вечер, когда он ночевал у Рубцова в пахнущем сеном сарае и Николай еще не ушел в дом. К ним, «несмотря на молнии, ливень и гром, скрипя ступень- ками лестницы, поднялся» зоотехник, донимавший Рубцова частушками (с. 304). Рубцов, раздраженный рифмоплетством, предложил ему написать о пережи- ваемой грозе, подняв палец «в сторону крыши, по которой хлестко постукивал ливень». Утром Рубцов спросил у Багрова, не хочет ли он снова услышать грозу. «Я кивнул, и Рубцов, усевшись на потолочную балку, закурил сигарету и, помогая голосу, разрубил ладонью светлеющий воздух:

*Поток вскипел
и как-то сразу прибыл!
По небесам, сверкая там и тут,
Гремело так, что каменные глыбы,
Вот-вот, казалось,
с неба упадут!
И вдруг я встретил
Рухнувшие липы,
Как будто, хоть не видел их никто,
И впрямь упали каменные глыбы
И сокрушили липы...
А за что?! (с. 304–305)*

Варианты разнятся: *и будто сразу прибыл; и как- то сразу прибыл*, но за приращениями смыслов инте-

ресно наблюдать благодаря пережитому каждым из рассказчиков.

Первый из трех разделов книги – «Тотемская зем- ля в судьбе и творчестве Николая Рубцова»: с 1943 г., когда он мальчиком прибыл на пристань деревни Че- репаниха, и до последнего приезда в Тотьму в 1970 г. Особенно подробно восстановлен детдомовский пе- риод жизни в селе Никольское. Некоторые писали развернуто, например, у Анатолия Мартюкова, друга Рубцова, – несколько разделов: «Детдом на берегу», «Чувство песни», «Воскресные цветы», «Помню Анну Георгиевну», «Первая учительница», «Вешние воды», «Коля Рубцов – примерный ученик». У других, как у Генриетты Меньшиковой (Шамаховой), – все пре- дельно кратко. Узнаем многое, вплоть до прозвищ: «У Коли Рубцова было даже не одно: “Рубец” (по фами- лии), “Шарфик” (потому, что любил шарф носить) и “Подлиза” (к Коле хорошо относились воспитатели – и это не могли не замечать сверстники)» (с. 38). Под- лизой он, конечно, не был: хорошо учился, старался всем помочь, стремился к прекрасному, отличаясь чувствительностью и нежностью. Перед сном им иногда что-то рассказывали, и Галина Гаричева (Ма- твеева) записала: «Коля любил, чтобы я садилась именно возле его кровати и при рассказе держала его руку в своей руке. Я уступала его желанию, стараясь хотя бы этим подарить ему немножко тепла и нежност- ти, так недостающих всем нам в те годы. Когда я же- лала ребятам спокойной ночи, вставала и уходила спать, кто-нибудь из мальчишек бросал мне ревност- но: “Гаричева, а тебя Рубцов любит!”. Я поворачива- лась и говорила, что я их всех люблю» (с. 141).

Учился Рубцов хорошо, и после окончания семи классов право выбора при распределении для про- должения учебы дали только ему. Поступить в Риж- ское морское училище не удалось (двух сантиметров роста не хватило) – пришлось возвращаться. «“Там такой горох не берут!” – сказал он и срезал с мосто- вой свои инициалы со злостью» (перед отъездом вы- резал их на мостках, возле детского дома, крупными буквами – думал, что уезжает навсегда) (с. 149).

Впереди у него был Тотемский лесотехнический техникум (1950–1952), Кировский горно-химический (1953–1955), служба на флоте (1955–1959). По словам флотского друга Валентина Сафонова, «служба и твор- чество шли параллельными курсами» (с. 225). Дальше – Ленинград: Кировский завод, литературное объеди- нение «Нарвская застава», вечерняя школа, которую окончит 21 июня 1962 г., а 13 июля выйдет его сборник стихов «Волны и скалы» (38 стихотворений).

Авторов рецензируемой книги закономерно инте- ресует центральная тема: когда Рубцов приезжал в эти и последующие годы в Никольское и Тотьму, с кем встречался, что писал. Процитирую из рассказа Вла- димира Аносова о зиме 1964 г., когда он сам (тогда студент), Рубцов (учился в Литинституте) и другие собрались на каникулах: «Многие из нас не понима- ли стихов, и Коля пытался увлечь нас, привить лю- бовь к стихам, причем своих стихов он не читал, а чаще всего брал гармонь или гитару и под ее акком- панемент свои стихи преображал в песню. Впоследст- вии, многие из песен прижились в нашем селе, и ве- черами можно было услышать их в исполнении моих

сверстников. Например, мы пели песни на такие стихи, как “В горнице”, “Прощальная песня”, “Осенняя песня”, “Элегия”» (с. 268). Поведал Владимир Аносов и об ответе Рубцова при выборе, как отправиться из Тотьмы в Вологду – на самолете или на автобусе: «Ну что ты, на самолете не интересно, ничего не увидишь и не услышишь» (с. 268). О его способности видеть и слышать рассказывали многие.

Станислав Куняев вспоминал о Рубцове в годы студенчества, когда тот тридцать километров от Усть-Толшмы до Николы шел пешком: «Бывало, что редкий грузовик догонит студента. Он садится и едет дальше, радуясь, что отдыхает усталое тело, и в то же время смутно понимая, что теряет нечто, не успевая взглянуть в небо, надышаться ветром, распахнуть душу воле, синеве, зеленому простору. А потому, не доезжая несколько километров до родного села, просит удивленного шофера притормозить и выходит из кабины...» (с. 276). Дорогой Рубцова интересовались давно, и осенью 2019 г. был реализован совместный проект (Никольской школы и музея Рубцова) «Старая дорога», в ходе которого установили восемь указателей с названиями примечательных мест на участке от местечка Борок до Никольского – последние три километра пути.

Пронзительны письма. В 1964 г. готовится к печати книга «Лирика» (в то время рабочее название «Вьюга») – идет переписка с Архангельским издательством. Это общение доставляло поэту много огорчений. Из письма Рубцова руководителю семинара в Литинституте Н.Н. Сидоренко: «...даже стихотворение “В горнице моей светло” почему-то выбрасывают. Жаль. Но что же делать? Останутся в книжке стихи мои самые давние, мной самим давно позабытые. Хорошо, что оставили стихотворение “Тихая моя родина”» (с. 285); «Вообще, зачем это сидят там, в институте, некоторые “главные” люди, которые совершенно не любят поэзию, а, значит, не понимают и не любят поэтов. С ними даже как-то странно говорить о стихах (это в Литературном-то институте!). Они все время говорили со мной, например, только о том, почему я выпил, почему меня вывели откуда-то, почему и т.п., как будто это главное в моей жизни. Они ничего не понимают, а я все объяснял, объяснял, объяснял...» (Там же).

Тонкость чувствования подчеркивали все знавшие его. Из воспоминаний Людмилы Залесской: «Рубцов был очень ранимый, очень боялся, что над ним будут смеяться. Он был не от мира сего. В школе встреча выпускников была, пригласили и Рубцова. Обещал, но не пришел. Потом увидела, спрашиваю: “Почему не пришел?” – “Вдохновения не было”» (с. 286).

К Рубцову, согласно друзьям, люди тянулись: он открывал им другой мир. Сергей Багров рассказал, как любил приезжать к Рубцову, и тот предлагал ему на выбор кровать, раскладушку, русскую печь. Сергей предпочитал сарай, «где было сумрачно и просторно, шурило сено под головой и пахло подкошенными цветами» (с. 303). Туда приходили отпускники и местные. «Всем хотелось послушать Рубцова, да и самим вступить в разговор, который тем, пожалуй, и был интересен, что мог идти обо всем. Кое-кто из ребят был готов причислить себя к легиону поэтов, и

потому приносил с собой записную книжку или тетрадку, куда были выписаны стихи. Каждому льстило узнать объективное мнение Николая. Наш сарай превращался в читальный зал. Слышались строфы стихов, нервные выкрики, резкие споры. Анархии не было никогда: Рубцов после каждого, кто читал, приводил на память стихи поэтов минувшего века, и этим самым давал нам возможность сопоставить поэзию Пушкина, Тютчева, Лермонтова и Фета с теми стихами, которые здесь выносились на суд. Преимущество классиков было наглядным, и спор моментально ослабевал. Расходились ребята всегда неохотно, – словно здесь, на сарае еще продолжался удавшийся вечер, а там, куда им предстояло уйти – однообразная скучная ночь, после которой – такое же скучное утро» (с. 303–304).

Между тем ощущение Рубцовым родного места менялось – не к лучшему: «Хиреют деревни. Вот и Никола. Чувствую я ее, как человека перед болезнью» (с. 307). Сергей Багров тогда не понял – переспросил: «Она же красива?» Рубцов объяснил: «Красива снаружи, да и то лишь в хорошее время года. А могла бы красивой быть постоянно. Вся беда, что в ее красоте нет возвышенной силы. Где церковь? Где веселые праздники? Где необычные люди? Но главное: в ней оскудела душа. Измельчал человек, и стало вокруг уныло и грустно. Боясь, что сбегу отсюда. Вероятно, в Сибирь, где еще русское не исчезло» (Там же).

Трагичны рассказы Елены Рубцовой и Генриетты Меньшиковой о последней встрече с Рубцовым. Воспоминания Генриетты касаются сентября 1970 г., когда она из Тотьмы возвращалась в Никольское, Рубцов – в Вологду: «С большим скандалом купил на меня билет в каюту (до нашей пристани ехать было недолго, и поэтому билеты в каюту нам не давали). Я боялась идти с ним в каюту, но когда увидела билеты – место второе и третье, значит, кто-то едет еще, успокоилась. Ехала там бабушка. Сидели, разговаривали. Он сказал, что хорошо бы, если бы у нас был сын, Коля, и чтобы фамилия его была Рубцов. Я все прекрасно поняла, но в Николу его не пригласила...

В два часа ночи наша пристань, мы сошли с парохода. Он в это время спал. Больше я его живым не видела» (с. 393).

В книге есть свидетельство, что в последний месяц жизни (думается, и не только) Генриетта Михайловна часто вспоминала Рубцова, читала его стихи и однажды сказала: «Я вот все думаю, что бы мне тогда на пароходе позвать его в Николу. Он бы поехал. Может быть, тогда он остался бы жив» (с. 403). Незадолго до ухода она приняла крещение с именем Ксения. Умерла 17 февраля 2002 г.

Отрадно звучит последняя глава первого раздела о том, как продолжается род Рубцовых.

Второй раздел – о памяти: школьном музее в Тотьме, памятнике Рубцову Вячеслава Клыкова, библиотеке имени Н.М. Рубцова в Тотьме и ее филиале в Николу, мемориальном музее в Никольском, мемориальной коллекции рубцовских материалов в фондах Тотемского музейного объединения и др.

Третий раздел представляет скрупулезно собранные адреса, связанные с Рубцовым в Тотьме, Никольском, селе Красном, деревне Аникин Починок и

др. Состояние домов различное. У родового дома Генриетты Меньшиковой, где Рубцов неоднократно бывал и гостил, в 2015 г. обвалилась крыша, и ныне дом восстановлению не подлежит. А вот Никольский Дом культуры был капитально отреставрирован в 2021 г.

Читая послесловие, хочется пожелать тотмичам, проделавшим огромную работу, ценность которой невозможно переоценить, создания Государственного музея-заповедника Николая Рубцова.

L.V. Egorova

**BOOK REVIEW: NIKOLAY RUBTSOV AND TOTMA LAND /
[authors of the main text and compilers: G. A. Martyukova, A. M. Novoselov];
«Intellect of the future», Totma Museum Association.
Vologda, 2021. 503 p.**

The review is devoted to a regional publication, Totma, Vologda, Russia have the right to be proud of. The reminiscences of everyone who knew Nikolay Rubtsov, carefully collected by Margarita Shananina during her life, did not sink into oblivion but found a worthy completion through the works of Galina Martyukova and Alexey Novoselov, the authors of the main text and the compilers of the reviewed book.

Nikolai Rubtsov, Totma, reminiscences, context.